

V.V. Pasyнков, R.V. Aristov, E.S. Ketenchieva
THE ANALYSIS OF EDUCATIONAL LEVEL ACCOUNTING
FACTORS WHEN ASSESSING CRIME IN CONTEMPORARY
RUSSIA

Vyacheslav Pasyнков – Associate Professor, the Department of Criminology, Saint-Petersburg State University of Russian Interior Ministry, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: v_v_pasyнков@mail.ru.**

Roman Aristov – Associate Professor, the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Saint-Petersburg State University of Russian Interior Ministry (Leningrad Region Branch), PhD in Philosophy, Murino; **e-mail: 20arv20@mail.ru.**

Elena Ketenchieva – Lecturer, the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Saint-Petersburg State University of Russian Interior Ministry (Leningrad Region Branch), Murino; **e-mail: ketenchiyeva00@bk.ru.**

Nowadays crime has been seen to a large extent from the standpoint of penal provisions. However from the point of view of criminology which combines a variety of scientific approaches such an arrangement is not considered to be a universal way. The present article represents an attempt to reconsider that kind of a social phenomenon as «crime» through the lenses of intellectual features of a criminal, his or her level of education, skills and competencies.

When comparing advanced scientific interdisciplinary studies, contemporary statistics and interviews with judges the authors came to the conclusion that it is advisable to distinguish between marginal and intellectual crime as well as the one dealing with satisfaction of immoral manifestations. Such a division is considered to be one of the first approaches to the analysis of this problematic issue with regard to penal studies.

Keywords: crime; personality of a criminal; educational qualification; intellectual criminality; judicial statistics.

В.В. Пасынков, Р.В. Аристов, Е.С. Кетенчиева
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ УЧЕТА ОБРАЗОВАННОСТИ
ПРИ ОЦЕНКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вячеслав Владимирович Пасынков – доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: v_v_pasyнков@mail.ru.**

Роман Викторович Аристов – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, г. Мурино; **e-mail: 20arv20@mail.ru.**

Елена Сергеевна Кетенчиева – преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Мурино; **e-mail: ketenchiyeva00@bk.ru.**

В настоящее время преступность в большей степени рассматривается с точки зрения уголовно-правовых норм. Однако для криминологии, которая является совокупностью научных подходов, такой подход не является универсальным. Настоящая статья является попыткой переосмысления такого социального явления, как «преступность» через призму интеллектуальных особенностей преступника, его уровня образования, а также его способностей и компетенций.

Попоставляя передовые научные междисциплинарные исследования, современную

статистику и данные опроса судей, авторы пришли к выводу о целесообразности в рамках криминологической науки разделить преступность на «маргинальную», «интеллектуальную» и «удовлетворения аморальных проявлений личности». Такое разделение является одним из первых подходов к анализу данной проблемы в области уголовно-правовых исследований.

Ключевые слова: преступность; личность преступника; образовательный ценз; интеллектуальная преступность; судебная статистика.

XXI век ознаменовал новую эпоху после научно-технической революции в цифровизации и коммуникативных технологий. Всякая научно-техническая революция влечет за собой значительные социальные изменения и, как следствие, модернизацию общественных отношений. Стереотип рассмотрения преступника через призму низкого уровня образования в общественном дискурсе считается чуть ли не одним из главнейших детерминантов преступного поведения. Однако данная закономерность требует более глубокого понимания, нежели приводимая многими учеными статистическая параллель. Социально-демографическая характеристика осужденных – сведения важные и используемые как криминологами, так и специалистами правоохранительных органов.

В самом начале XXI в. состоялся переход к информационно-цифровому обществу. Ученые криминологи уже тогда успешно учитывали статистические данные уровня грамотности осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы, по устоявшейся модели подсчета. Однако корреляция значений с видами преступлений проводилась с трудом: «Особо заметной разницы в образовательном уровне осужденных в зависимости от категории преступлений, которые они совершили, результаты переписи не выявили» [9, с. 175], признавая при этом важность подобных оценок для дифференциации воспитательного воздействия. Более современная интерпретация статистических данных частично выявляет общую картину преступности в контексте уровня образования осужденных через изучение личности преступника.

Проанализировав зарубежные исследования в области состояния судимости и ее детерминант, установили, что в Голландии школьное образование уже значительно снижает вероятность ареста и тю-

ремного заключения. Данные Национального обследования молодежи указывают на то, что школьное образование в Голландии вызывает изменения в самом поведении. В.В. Лунеев для разработки уголовно-правовой политики и уголовного законодательства предлагает создать такой научно-исследовательский уголовно-правовой, криминологический и прогностический центр в Российской Федерации, обеспечив его непрерывной и системной криминологической и уголовно-правовой информацией [6].

Л. Лочнери и Э. Моретти провели исследование, согласно которому социальные сбережения от снижения преступности, связанные с окончанием средней школы (для мужчин), составляют около 14–26% от частного дохода в год. Также авторы утверждают, что преступное поведение родителей может повлиять на образовательные результаты их детей. Поэтому инвестиции в предупреждение или сокращение преступности могут способствовать внешнему повышению уровня образования будущих поколений [13].

Современное информационное общество являет новые тенденции в криминализации и декриминализации возникающих некоторых новых общественных отношений. Учитывать уровень образования, профессионализма при совершении традиционных преступлений и новых видов преступных деяний, по мнению авторов, – задача криминологии на новом этапе. Правила изучения социальной динамики требуют актуализировать и переосмыслить данный срез современного общества. В связи с этим важно рассматривать не только влияние уровня образованности на готовность индивида к совершению преступления, но образованность как возможность профессионального использования полученных знаний, облегчающих совершение и сокрытие противоправных

действий. В первом случае важна корреляция образования и отклоняющегося поведения в трех известных этапах: поведения девиантного; поведения делинквентного; поведения криминального [5, с. 238–240]. Во-вторых, ряд преступных действий не возможен без интеллектуальных усилий, знаний о современных технологиях для получения желаемого результата либо устранения следов совершенного преступления.

И в-третьих, рассуждая о роли образования для очертаний криминологического портрета преступника, нужно воспринимать образование гетерогенно, где наличие диплома о высшем образовании может не соответствовать подлинному уровню знаний и умений. Все три позиции необходимо учитывать в любом частном случае оценки уровня образованности и личности преступника, а также принимать во внимание эти позиции при анализе статистики.

В ходе размышления о соотношениях образованности с девиантным поведением авторы обратились к наработкам президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Д.А. Шестакова. Ученый в своей школе «преступности ведения» (оно же – криминология) основывается на философии, истории, социологии и психологии. Он переосмысливает преступность как социальную сущность, абстрагируясь от содержания уголовного закона [10]. «Под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний» [12, с. 26]. Именно такой подход поможет точнее взглянуть на суть образования как детерминант преступности.

Попытка рассмотрения вопроса о влиянии уровня образования как признака личности интеллектуального преступника выводится из концепции А.П. Данилова, названной автором «шар терпимости» (шар Данилова). В соответствии с ней умеренная терпимость должна определять политику противодействия преступности, что является неотъемлемой частью про-

филактики преступности, которая должна учитываться при построении школьной программы образования [2]. Высокий образовательный уровень, рассматривается в традиционной криминологии [9, с. 23] как антикриминогенный фактор. Чем выше образование человека, тем менее вероятно совершение им преступления. При этом криминологи в начале 2000-х гг. подчеркивают факт общего роста заключенных с высоким уровнем образования, связанного в целом с ростом образовательного уровня всего населения. Методологически верно будет сопоставить связь уровня образования преступника с видом его профессиональной деятельности и видом свершенного преступления, с его составом.

Всего за 2019 г. лишь 8,4% от общего количества осужденных в Российской Федерации имели высшее профессиональное образование; 36,1% имели среднее профессиональное образование; 35,9% – среднее общее образование и 19,6% – основное общее, начальное или не имели образования вообще.

Е.А. Алексеева в своем научном изыскании обратила внимание на интересную особенность личности женщин-преступниц. Ученый утверждает, что уровень образования у преступниц выше, чем у преступников. Анализ статистических данных социального портрета женской преступности позволяет прийти к выводу о том, что женщины-преступницы имеют высшее образование чаще, чем мужчины, в 1,5 раза. Сравнительный анализ текущего количества преступниц с высшим образованием и аналогичным показателем 2010 г., позволяет прийти к выводу о тенденции увеличения количества таковых (+3,8% за 8 лет) [1].

Составной частью гипотезы взаимосвязи образованности и совершенных преступлений является наличие составов, по которым были осуждены только лица, имеющие высшее образование. К данным преступлениям относятся: ч. 1 ст. 142.2 УК РФ «Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования»;

ч. 1 ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»; ряд преступлений в сфере экономической деятельности (ч. 1, 2 ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», ч. 2 ст. 170.2 УК РФ «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории», ч. 1 ст. 172.1 УК РФ «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации», ч. 3 ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий» и др.); ч. 3 ст. 204.1 УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе»; некоторые преступления против общественной безопасности (ч. 1 ст. 215.1 УК РФ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения», ч. 1 ст. 217 УК РФ «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»); преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ч. 2 ст. 228.3 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ»; ч. 1 ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности», ч. 2 ст. 235.1 УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий») и др.

Не вызывает сомнений, что для совершения некоторых преступлений наличие высшего образования и в связи с этим соответствующих знаний, умений и возможностей, является определяющим. Особое внимание стоит уделить преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, т.к. для совершения данных преступлений наличие высшего образования,

по идее, не должно оказывать никакого влияния. Рассматривая этот вопрос, авторы отмечают, что для реализации прекурсоров наркотических средств в особо крупном размере действительно необходимы специальные знания и умения. Опрос судей по вопросу профиля подготовки лиц, осужденных за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, имеющих высшее образование, показал, что большинство из них имеют высшее техническое образование, около 10% – специальное высшее химическое, а лиц с высшим гуманитарным образованием практически нет.

Так, некоторые преступления со специальным субъектом подразумевают под собой совершение преступления исключительно лицами с высшим образованием.

В этом ключе нужно рассматривать распределение осужденных не столько в зависимости от составов преступлений, закрепленных в УК РФ, сколько исходя из индивидуальных особенностей и способностей личности. Для этого, по мнению авторов, необходимо ввести специальное криминологическое понятие «интеллектуальная преступность».

Под интеллектуальной преступностью мы понимаем девиантное поведение человека в современном обществе, направленное на извлечение выгоды (прибыли) с использованием сложных интеллектуальных алгоритмов, в том числе по сокрытию следов преступления. В ряде случаев она проявляется с использованием цифровых и кибернетических технологий, облегчающих совершение деяний запрещенных уголовным законом. Компьютерные программы, конфиденциальная электронная информация, электронные деньги – все это стало предметом преступного посягательства конца XX в.

Сама интеллектуальная деятельность профессиональной преступности (лиц, для которых совершение преступлений является основным способом добычи средств к существованию) является залогом успеха. Предварительная подготовка, овладение профессиональными секретами, изготовление приспособлений и орудий, корпоративность преступного сообщества, –

встречаются не менее чем у 70% опрошенных профессиональных преступников [5]. Все эти атрибуты – свидетельства умственного труда и творчества – наиболее ярко проявляются и в таких преступлениях, как шпионаж, мошенничество, блок преступлений в сфере экономической деятельности и т.д. Эта часть преступлений с прямым умыслом, где цифровые технологии вторичны по отношению к сложной мыслительной, творческой деятельности интеллекта преступника.

Интеллектуальная составляющая преступления, по общему правилу, закрепленному уголовным правом, находится в субъективной стороне и определяется как умысел. Несомненно, все интеллектуальные преступления являются умышленными, однако они не ограничиваются лишь субъективной составляющей. Их можно понимать как способ совершения преступления, где преступником были приложены умственные способности, развитые в ходе получения им должного уровня образования. Таким образом, интеллектуальные преступления – это общественно опасные деяния, которые представляют собой не физическое (грубое) воздействие на предмет преступления, а применения своих интеллектуальных способностей для достижения преступного замысла.

Таким образом, по уровню интеллектуально-эмоциональной деятельности личности преступления можно представить в виде трех типов: «интеллектуальные», «маргинальные», и «удовлетворения аморальных проявлений личности». Все вышеперечисленные типы преступного поведения имеют общий пусковой механизм, исток – социальную аномию, рассмотренную Э. Дюркгеймом [3]. Более подробно это явление рассматривается современными учеными как ценностный вакуум [8].

«Маргинальные преступления» свойственны личностям, стремящимся достигнуть сиюминутной выгоды, отдающим приоритет «императиву выживания» [8, с. 6]. В своем большинстве такие преступления не требуют значительных интеллектуальных усилий, специальных средств для их реализации. Ценностные устрем-

ления личностей находятся не выше второй ступени потребностей пирамиды Маслоу.

«Преступления удовлетворения аморальных проявлений личности» всегда связаны с нравственной борьбой, межличностными отношениями, противостоянию личности обществу, или вовсе противостоянию личности себе самой. Такой тип девиантного поведения получил название «негативной девиантности» [4, с. 38]. Бунтарство может сопровождаться преступными деяниями, сопряженными с невозможностью контроля разума над эмоциями или акцентуациями личности, или осознанной деятельности мозга, по избеганию ответственности за содеянное. В случае аномии как истока преступного поведения этот тип преступлений могут отражать патологическое состояние общества.

Аномия как источник преступности связана со способностями личности к рефлексии, когда человек может представить иные условия жизни и иные способы достижения этих условий. Р. Мертон [7] указывал на примере американской мечты о счастье, что стяжание материальных благ становится столь важной целью, что средства достижения практически не важны. Психологическими причинами запуска преступного поведения являются отверженность и понимание горизонта возможностей. Обе эти причины прямо и косвенно могут быть связаны с уровнем общего интеллекта и уровнем образованности личности. Так называемая «беловоротничковая преступность» как раз является примером использования возможностей и информированности, благодаря специальному служебному положению по незаконному приобретению материальных благ.

Среди источников аномии выделяют экономические кризисы, неопределенность социального статуса, столкновение культур и ценностей, развитие информационных технологий, частные события личной жизни, переживаемые личностью. Попытка преодоления всегда связана с интеллектом и рефлексией. Нарушив сложившийся порядок вещей, личность изме-

няет свой статус, рискует, прорывается к успеху, меняет свой ценностный уклад. Преступное действие, с точки зрения личности, – порой единственный способ что-то изменить. В этом случае интеллект с готовностью поддержит преступную концепцию достижения благ, где преступник, реализуя свои специальные знания, получит наибольший эффект при наименьшем риске.

Технический прогресс, совершенствование окружающего мира посылает запрос в преступное сообщество о поисках новых более актуальных методов и форм их деятельности. Личность преступника, в своем большинстве, воспринимает новации более охотно, чем система преследования преступлений. И дело тут не только в диалектике «первый-последующий». Преступный мир в погоне за материальными ценностями не может себе позволить быть неэффективным. Всякое интеллектуальное преступное действие предполагает результат, кратно превосходящий усилие. В противном случае риск раскрытия такого преступления будет велик, а его эффект в достижении удовлетворений преступника – минимален. Подобное поведение свойственно маргинальным или эмоциональным проявлениям личности в преступлении.

Доля интеллектуальной преступной деятельности не имеет тенденции к снижению. Правоохранительные органы уже значительно отстают от преступного сообщества. При том, отставание имеет системные управленческие проблемы, когда при технологическом потенциале органов правопорядка они ориентируется не на прикладной результат, а на ожидание со-ответствия неким плановым нормам. В этой связи уместно процитировать заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук В.С. Овчинского, в учебном пособии ДГСК МВД России в 2019 г. он написал следующее: «В скором времени мы можем оказаться в ситуации, когда преступники будут использовать квантовые исчисления, а мы по-прежнему прокалывать дыроколом и подшивать многотомные дела» [4, с. 42].

Продолжающаяся научно-технологи-

ческая революция, информатизация и роботизация социума в ближайшее время усугубят кризис развития человеческого общества, новой волной анонимизации и, как следствие, девиантного поведения. «Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и провоцируют технологически детерминированные формы фобий, девиантности и преступности» [4, с. 75]. В этих условиях киберпреступность станет одним из главных глобальных рисков. Возможно, в будущем, лица, обладающие специальными знаниями и умениями в данной области, нормативно, могут быть включены в группу риска и профилактики предупреждения возможных преступлений.

Основываясь на отечественном и зарубежном опыте анализа причинно-следственных связей в преступном поведении, авторы полагают, что для государства экономически выгодны инвестиции в образование как предупреждение преступности. Личность преступника требует более сложной дифференциации по уровню образованности. Для криминологии как самостоятельной науки рационально рассматривать преступность с точки зрения интеллектуальных усилий личности как «интеллектуальную», «маргинальную», и «удовлетворения аморальных проявлений личности». Это позволяет диверсифицировать явление и учесть способы противодействия ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.А.* Криминологическая характеристика женщин, совершающих преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 4 (79). С. 465–470.
2. *Данилов А.П.* Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
3. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1996.
4. *Комлев Ю.Ю.* Интегративная криминология: девиантологический очерк. 2-

е изд., доп. и перераб. М.: ДГСК МВД России, 2019. С. 38.

5. *Кравченко А.И.* Социология: учебник для бакалавров. М: Проспект, 2020. С. 258.

6. *Лунеев В.В.* О криминолого-аналитическом и системном подходе к законодательству // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2014. № 4 (35). С. 14–25.

7. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // *Социология преступности (Современные буржуазные теории).* М., 1966. С. 302–306.

8. *Плетнев А.В.* Социологические истоки преступности и их динамика в современной России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 7–15.

9. Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специ-

альной переписи 1999 г. / под ред. д.ю.н. проф. А.С. Михлина. М.: Юриспруденция, 2001. С. 23.

10. *Шестаков Д.А.* Будущее преступности: от марбургской к невольжской школе // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2015. № 2. С. 78–81.

11. *Шестаков Д.А.* О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2018. № 1. С. 13–20.

12. *Шестаков Д.А.* Предупреждение преступности // *Юридический журнал. Казахстан.* 2014. № 4. С. 25–35.

13. *Lochner L., Moretti E.* The Effect of Education on Crime: Evidence from Prison Inmates, Arrests, and Self-Reports // *American Economic Association in American Economic Review.* 2004. Vol. 94. P. 155–189.